

Снаружи квест-комнаты.

Толпа снаружи гудела, как потревоженный улей. Кто-то требовал вернуть деньги, кто-то — объяснений; голоса сливались в шумный, раздражающий гул.

Сотрудник остановил Ли Чуаня у входа:

— Простите, сэр, внутрь сейчас нельзя. У нас неполадки с электросетью. Прошу понять и подождать.

— Хм. — Ли Чуань ответил спокойно, но его голос был сталью под бархатом. — Я не собираюсь развлекаться. Я иду за человеком.

Сотрудник удивился, попытался улыбнуться:

— Не беспокойтесь, внутри всё абсолютно безопасно. Да, с электричеством неполадки, но система безопасности работает. Мы уже устраняем неисправность.

Ли Чуана всё же не пустили. Он нахмурился, в голосе прозвучала твёрдая нота:

— Позвольте мне войти. Если что-то случится — ответственность беру на себя.

Сотрудник замаялся.

Ли Чуань чуть наклонился вперёд, его низкий голос стал почти шёпотом — тихим, но давящим:

— А если не пустите... и что-то случится — тогда ответственность будете нести вы.

Он не угрожал, не повышал тона, не демонстрировал силу, но от одного его взгляда по коже пробежал холод.

Сотрудник сглотнул и поспешно отступил:

— Т-тогда... проходите.

Ли Чуань решительно шагнул внутрь.

Коридоры были узкими, полностью закрытыми, без единого окна — всё ради «эффекта погружения». Из-за этого воздух стоял тяжёлый, вязкий.

Из-за стен доносились вскрики, обрывки фраз — то ли актёров, то ли испуганных участников, и в этой искусственной тьме всё звучало пугающе реально.

Луч фонаря выхватывал лишь несколько шагов вперёд.

Ли Чуань сверял таблички на дверях и шёл дальше, одну за другой проверяя комнаты.

С другой стороны.

Тук-тук.

Из соседней комнаты доносились тихие звуки — будто кто-то тоже оказался заперт.

Цзянь Нань сидел, привалившись к стене, не двигаясь. Хотя сейчас был день, комната из-за

полной герметичности тонула во мраке. Сквозь щели пробивался слабый свет, но от него не было толку. Перед глазами — сплошная, вязкая тьма.

В помещении было душно и тревожно. Пот струился по вискам, одежда прилипала к телу. Издалека доносился тихий женский плач — тонкий, жалобный, будто из-под земли. Но Цзянь Нань не реагировал.

Это не пугало его. Ничто не страшнее темноты и замкнутого пространства.

Перед глазами — мутный мрак, тело парализовано страхом. И вдруг воспоминание: то лето из детства. Жаркий, душный склад. Он — как ягнёнок, запертый в клетке, дрожащий от ужаса перед неизвестностью.

И тогда... Кто-то открыл дверь.

В комнату ворвался свет — вместе с тем человеком. Он всегда приходил за ним. Всегда находил. Выводил из темноты, из дома, из страха.

Его герой.

Но...

Большой герой никогда не принадлежал ему.

Во время свадьбы тот сказал холодно:

— Брак по договору. Не вмешиваемся в жизни друг друга.

На свадебном банкете — перед людьми, с едва заметным раздражением:

«Цзянь Нань, ты что, ребёнок? Перестань устраивать сцены.»

А когда всё закончилось, в тот последний день, он сказал:

«Дам тебе полчаса на принятие решения. Пока у меня ещё хватает терпения.»

И своими поступками дал понять всё остальное:

«Пора взрослеть.»

Цзянь Нань сжался, свернувшись калачиком, как маленькая улитка, пытающаяся спрятаться в своей хрупкой раковине — в единственном месте, где ещё кажется безопасно.

Клаустрофобия давила на грудь, тяжёлым грузом прижимая к полу.

Тошнота подступала к горлу, дыхание сбивалось.

Темнота вокруг будто становилась плотной, ощутимой — давящей на виски.

Ноги подкашивались, а в голове начинали звучать голоса.

Чужие. Злобные.

«Хорошо, что он сдох!»

«Видели новости? Тот мелкий актёр погиб.»

«В тот день шёл дождь, машину занесло, она сорвалась в реку. Тело так и не нашли.»

«Наконец-то! Постоянно паразитировал на нашем брате — небеса воздали по заслугам!»

Голоса множились, сливались в сплошной поток злобы и презрения, заполняя всё пространство, вгрызаясь в сознание.

Цзянь Нань задыхался.

Воздуха не хватало.

Пот холодными каплями стекал по спине, тело горело, а душа захлёбывалась в обрушившихся воспоминаниях.

Прошлая жизнь рвалась наружу, с запахом крови, с привкусом боли.

И вдруг —

Бах!

Где-то рядом распахнулась дверь, гулко ударившись о стену.

По комнате раздались тяжёлые шаги.

Вспыхнул яркий луч фонаря, прорезав тьму и Цзянь Нань резко поднял голову.

Свет ударил в глаза — ослепительно, больно.

Глаза защипало, выступили слёзы.

Но вместе со светом всё исчезло: все те злобные голоса, все призраки, все кошмары — растаяли, будто их никогда и не было.

Ли Чуань поспешно выключил фонарь, шагнул к нему:

— Цзянь Нань?

Тот сидел на полу, сгорбленный, дрожащий.

Медленно моргнул, будто не веря.

— Ли... Чуань?..

— Да. — Ли Чуань быстро осмотрел его. — Ты цел? Не поранился?

Цзянь Нань покачал головой.

Ли Чуань выдохнул, облегчённо, но, заметив, как тот дрожит, нахмурился снова.

Злость в нём поднялась — горькая, тревожная.

Он вспомнил, с кем тот пришёл.

— Глупый. — Голос стал жёстче. — Зачем было соваться в это место? Хотел показать, какой ты смелый? Теперь страшно, да?

Цзянь Нань едва заметно дрогнул.

Он не видел его лица — только слышал голос.

Такой знакомый. Такой родной.

Протянул руку, нащупывая в темноте:

— Ли Чуань...?

Белая, тонкая ладонь зависла в воздухе, ровно на уровне его лица.

Глаза Цзянь Наня покраснели, голос дрожал:

— Я... я не вижу тебя.

Тишина повисла густо, как воздух перед грозой.

Прошло несколько секунд — и Ли Чуань шагнул ближе, пододвинулся так, чтобы его ладонь коснулась его лица.

Тихо сказал:

— Я здесь.

Теперь между ними почти не осталось расстояния. От мужчины исходил знакомый, спокойный запах — что-то холодное, с ноткой хвои и горного ветра.

Они слышали дыхание друг друга — в этом не было ни капли двусмысленности, только ощущение покоя, спасения, как будто весь мир снова стал безопасным.

И в этот миг — оборона, которую Цзянь Нань с таким трудом выстроил, рухнула.

Он задрожал всем телом, и слёзы сорвались мгновенно, горячие, беспомощные.

Голос надломился, превратившись в плач:

— Почему ты так долго... не приходил? Ты знаешь, как мне было страшно?..

Среди множества закрытых комнат в этом лабиринте добавился ещё один звук — тихий,

дрожащий плач.

Ли Чуань похлопал его по плечу. В голосе его неожиданно прозвучала ревнивая, едва заметная насмешка:

— Если бы я не зашёл сюда, ты бы надеялся, что тебя спасёт Дун Цзюньин?

Цзянь Нань всхлипнул, вытирая нос.

Ли Чуань не остановил его — пусть плачет. А сам вдруг вспомнил. То лето. Тот склад. Маленького мальчика, свернувшегося в темноте.

Он вдруг поймал себя на том, что улыбается, и, не удержавшись, произнёс почти ласково:

— Взрослый мужчина, а ведешь себя, как ребёнок.

Цзянь Нань вздрогнул — едва заметно, но Ли Чуань тут же уловил перемену.

Тот медленно отстранился, вытер лицо ладонью, и, когда заговорил, голос звучал ровно, спокойно:

— У тебя есть фонарик?

— Есть, — ответил Ли Чуань.

— Тогда включи, — мягко сказал Цзянь Нань. — Только не прямо в глаза, ладно? И ещё... как ты вообще сюда попал? Электричество уже починили?

Он говорил так спокойно, будто того испуганного, плачущего человека несколько минут назад вовсе не существовало — будто всё это привиделось лишь Ли Чуаню.

Тот опустил рядом, усмехнулся:

— Как пришёл? Ногами. Просто пришёл.

Цзянь Нань прикусил губу, потом тихо:

— Наверное, снаружи ужас, да?

— Угу. — Ли Чуань включил фонарь, поставил его на пол — мягкий свет разлился по комнате, растопив тьму.

— Хочешь выйти? Я отведу тебя.

Цзянь Нань покачал головой, смущённо пробормотав:

— Не могу... ноги не слушаются.

Ли Чуань взглянул на него и уголки его губ незаметно дрогнули в лёгкой улыбке:

— Герой, значит.

Цзянь Нань фыркнул, глухо, почти детски:

— Хмф.

Это был первый раз после развода, когда они оказались так близко друг к другу — и могли говорить хоть немного свободнее, без натянутости.

Ли Чуань заговорил первым:

— Родителям ты про развод не сказал?

Цзянь Нань растерялся. Его рука, лежавшая на коленях, непроизвольно сжалась в кулак. Он выдохнул медленно:

— Я... ещё не решил, как сказать.

Ли Чуань понимал, почему.

Мать Цзянь Наня — женщина властная, консервативная, с устоями, будто застрявшими в прошлом веке. Воспитывала она сына с железной строгостью.

Если узнает, что тот развёлся... дом, наверное, на уши поставит.

— И когда собираешься сказать? — осторожно спросил Ли Чуань.

Цзянь Нань пробормотал:

— Как закончу съёмки, съезжу домой... тогда и скажу, как-нибудь.

Ли Чуань нахмурился, чувствуя ответственность — ведь всё это было связано и с ним:

— Я поеду с тобой. Если я буду рядом, она не станет слишком давить.

Цзянь Нань слабо улыбнулся, чуть горько:

— Не надо. Что должно случиться — случится. Мы уже развелись. Даже если ты приедешь, смысла нет. Я сам справлюсь.

Мы уже развелись.

Неизвестно почему, но Ли Чуань вдруг почувствовал, что ненавидит эту фразу.

Он хотел что-то сказать — и вдруг комната вспыхнула светом. Электричество вернулось, лампы зажглись, всё пространство озарилось мягким сиянием.

Цзянь Нань радостно моргнул:

— Свет включили?

Он попытался встать — и тут же забыл, что ноги у него затекли. Радость обернулась неловкостью: едва поднялся, как колени подкосились, и он чуть не упал.

— Осторожно, — Ли Чуань подхватил его мгновенно.

Цзянь Нань, покраснев, пробормотал:

— Прости.

— Сколько раз я тебе говорил — смотри, куда идёшь, — Ли Чуань нахмурился, но голос его был

мягче, чем слова. — Я помогу, держись за меня.

Было неловко — идти, опираясь на него, — но другого выхода не было. Цзянь Нань тихо кивнул, принимая помощь.

Они вышли вместе, поддерживая друг друга.

Из соседних комнат тоже стали выходить люди. Кто-то радовался, кто-то, наоборот, выглядел напуганным. Пришедшие за ними друзья и коллеги обнимали, успокаивали.

Мимо пробежала девушка, кидаясь на шею парню:

— Я так испугалась!

Он гладил её по спине:

— Всё, всё, не бойся. Я же пришёл.

— У-у-у... — она стукнула его кулачком. — Почему так долго! Я думала, с ума сойду от страха!

— ...

Как же знакомо звучит, — мелькнула мысль у Ли Чуаня.

Цзянь Нань всё сильнее чувствовал, что что-то не так. Чем дольше он думал об их положении, тем горячее становилось лицо. Щёки налились краской, взгляд забегал, и он уже хотел вытащить руку из-под локтя Ли Чуаня, на которую всё это время опирался.

Ли Чуань сразу это заметил, опустил взгляд и лениво спросил:

— Что такое, стесняешься?

— Не стесняюсь! — отрезал Цзянь Нань, упрямо выпрямившись.

Ли Чуань усмехнулся:

— Помнится, ты и в детстве так же оправдывался.

Цзянь Нань вспыхнул до ушей:

— Неправда! Не выдумывай!

В уголках глаз Ли Чуаня мелькнула тень улыбки. Он протянул слова с нарочитой снисходительностью, будто дразнил ребёнка:

— Да-да, я всё придумал.

Цзянь Нань буквально кипел от раздражения — и, что хуже, от смущения.

Проблема в том, что Ли Чуань был прав. В детстве всё действительно было именно так.

Тогда Цзянь Нань был смелым и бойким мальчишкой. Когда остальные шарахались от всесильного, дерзкого Ли Чуаня, он, наоборот, увивался вокруг него, как хвостик, и сыпал фразами, от которых взрослые только глаза округляли:

«Не хочу! Хочу, чтобы ты мне почистил!»

«Не встану. Пока не подуешь, не встану.»

«Почему ты такой медленный?»

Он вовсе не был трудным ребёнком — с родителями вёл себя паинькой, послушным и вежливым. Но стоило рядом появиться Ли Чуаню — будто что-то в нём раскрепощалось, ломало все рамки, и на свет вылезал настоящий, озорной, живой Цзянь Нань.

— Нань-Нань!

Голос, полный тревоги, ворвался в его воспоминания. Со стороны входа к ним подбегал Дун Цзюньин, запыхавшийся, с камерой и оператором за спиной.

Увидев объектив, Цзянь Нань мгновенно напрягся, и почти инстинктивно отстранился от Ли Чуаня, убрав руку.

— Почему не ждал снаружи? Здесь хаос, тебе не стоило заходить.

Дун Цзюньин тяжело дышал, глядя на него с тревогой:

— Ты в порядке?

— Всё нормально, ничего страшного, — спокойно ответил Цзянь Нань.

— Как это «ничего»? — Дун виновато почесал затылок. — Ли-ге всё рассказал... Прости, правда. Хочешь, ударь меня пару раз! Я не буду сопротивляться, честно!

Цзянь Нань не выдержал и рассмеялся:

— Перестань, дурачок.

В это время зрители, наконец получившие картинку, дружно выдохнули:

«Слава Богу, всё хорошо!»

«Вот ведь, сердце чуть не остановилось!»

«Да уж, говорят, у Нань-Наня зрение неважное, я так волновалась!»

«Ли-ге такой заботливый... А вот ты, Дун, — разочаровал!»

Главное — что никто не пострадал. Цзянь Нань шёл вместе со всеми к выходу, чувствуя, как с каждым шагом становится легче дышать: внутри помещения всё ещё было полутемно, а на улице воздух и свет словно смывали остатки напряжения.

Снаружи уже ждали остальные участники.

Стоило им показаться, как к нему подбежала девушка с явным волнением в голосе:

— Нань-Нань! Ты цел?

Цзянь Нань мягко покачал головой и, заметив за её спиной других гостей, поспешил успокоить всех сразу:

— Всё в порядке, правда. Спасибо за заботу, со мной всё хорошо.

Сян Го, всегда отличавшаяся наблюдательностью, окинула всех быстрым взглядом и вдруг нахмурилась, переводя взгляд на плечо Ли Чуаня:

— Ли-ге, а у тебя плечо... почему всё мокрое?

После этих слов все как по команде повернулись к нему.

Сегодня на Ли Чуане была простая, но безупречная одежда — белая футболка, чёрные укороченные брюки и белые кеды. В нём было что-то безупречно собранное, аристократическое — будто он сошёл с обложки журнала.

И именно поэтому тёмное влажное пятно на его плече выглядело особенно заметно.

Дун Цзюньин, глядя на это, ахнул:

— Это же не...

Все мгновенно обернулись к нему, ожидая разгадки.

— Это же не... утечка воды с потолка, да? — выпалил он и, хлопнув в ладони, добавил с уверенностью: — Я ведь говорил, что здание аварийное! Ремонтировать нужно, а то потом беда будет!

Повисла гробовая тишина.

Дун Цзюньин беспомощно оглядел застывшие лица:

— Что? Я неправильно понял?

Сян Го тяжело вздохнула, похлопала его по плечу и промолчала.

Цзянь Нань, сдерживая улыбку, произнёс с невозмутимой серьёзностью:

— Мне кажется, ты всё правильно подметил.

Ли Чуань лишь устало отвёл взгляд, не удостоив его ответом.

А вот в прямом эфире публика уже веселилась вовсю:

«Ахахаха, Дун — настоящий клад!»

«Типичный Дун, в своём репертуаре!»

«Логика на сто баллов, аплодирую стоя!»

Всем и так было ясно, почему у Цзянь Наня глаза всё ещё чуть покрасневшие, — всем, кроме одного, кто явно жил в своём мирке.

После такого происшествия продолжать прогулку по парку уже не имело смысла. Никто не мог гарантировать, что электричество снова не вырубится, поэтому съёмки свернули и всю группу эвакуировали.

— Сегодня у нас ещё полдня в запасе, — объявил режиссёр, собрав всех. — Так что берите отдых. Можете прогуляться, по магазинам пройтись. И чтобы компенсировать неприятности — всё, что купите до десяти тысяч, оплачивает съёмочная группа!

Радостный гул прокатился по площадке, кто-то даже радостно вскрикнул.

Особенно выделялся Дун — он буквально подпрыгивал от восторга.

Цзянь Нань посмотрел на него, прищурившись:

— Прямо уж так обрадовался?

— Конечно, рад! — Дун почесал нос, сияя. — Бесплатные десять тысяч юаней, как тут не радоваться?

— ...

Ну послушайте. Разве так должен говорить человек, у которого состояние исчисляется десятками миллионов?

Режиссёр, глядя на оживившуюся толпу, добавил с лукавой улыбкой:

— Но есть одно «но»...

В тот же миг все замерли, настороженно обернувшись — уж слишком хорошо знали, что от него можно ожидать.

— Все пойдут, — произнёс режиссёр, выдержав театральную паузу, — вместе с нашими операторами.

Участники шоу лишь тяжело вздохнули. А вот зрители, наоборот, взорвались восторгом:

«Оеее, продолжаем шоу!»

«Спасибо, вы лучшие!»

«Ура! Не хочу прощаться с Ли-ге, пусть будет больше экранного времени!»

«Да! Без них мои вечера стали бы скучными!»

Мнение публики было единодушным: никто не хотел, чтобы трансляция заканчивалась. Да и участники, если честно, не возражали.

Вопрос стоял только в том, кто с кем пойдёт. Раньше состав групп определяла команда шоу, но теперь — полная свобода, можно выбирать, с кем угодно.

Дун, как обычно, без тени сомнений потянул Цзянь Наня за рукав:

— Пошли вместе!

Но тут к ним подошёл Ли Чуань. Его спокойная поступь заставила Дуна чуть вздрогнуть — рефлекторно, будто при встрече с учителем после проделок.

— Ли-ге, ты... чего? — спросил он осторожно.

Ли Чуань неторопливо произнёс:

— Я не большой любитель шопинга.

— А... — Дун моргнул. — Так ты не пойдёшь?

— Почему же, — уголок губ Ли Чуаня дрогнул. — Раз уж зрители ждут, нужно оправдать ожидания. Только... если не потратить лимит, деньги ведь пропадут зря.

Порыв ветра словно помог Дуну включить мозги. Он моргнул, осмысливая услышанное, и вдруг расплылся в широкой улыбке:

— Ли-ге, ты хочешь сказать, что отдаёшь свой лимит мне?!

Ли Чуань не ответил, но лёгкая усмешка на губах говорила сама за себя.

Дун подпрыгнул от радости, схватил Цзянь Наня за руку и чуть ли не запел:

— Нань-нань, Ли-ге просто золото! Пошли, потратим всё до копейки!

Цзянь Нань едва удержался от смеха, качнув головой:

— Ты несправим.

Тем временем чат в прямом эфире заполнился вспышками комментариев:

«Наш Дун — воплощение наивности!»

«Кажется, Ли-ге сделал это не ради него...»

«Хахаха, я ничего не говорю, но вы понимаете, да?»

Компания вошла в торговый центр — и сразу стало понятно, что место выбрано с душой. В старинном городе даже современные здания будто дышали прошлым: арки, резные колонны, приглушённый свет ламп под старину. У самого входа стояли два огромных каменных льва — грозные, величественные, будто охраняли покой здешних сокровищ. Над воротами висела резная табличка с четырьмя иероглифами, написанными стремительным, живым почерком: «Бери, что пожелаешь».

— Цок-цок... — Дун Цзюньин присвистнул с восхищением. — Это же каллиграфия самого

мастера Чжан Вэньчана!

Цзянь Нань удивлённо поднял брови:

— Ого, ты это знаешь?

— ...

Лицо Дуна тут же потемнело.

Дун Цзюньин:

— погоди. К чему твоё удивление?!

Чат в прямом эфире тут же разразился хохотом:

«Нань-Нань, не говори вслух, что думаешь!»

«Наш простодушный Дун — тайный гений, учёный до мозга костей!»

«А вы заметили, он реально разбирается в классической культуре?»

Но характер у Дуна был лёгкий — вспыхнул, и через минуту уже забыл, из-за чего. Он радостно запрыгал к каменному льву, потянулся рукой, чтобы потрогать его мощную лапу.

Ли Чуань, стоявший рядом, мгновенно перехватил его запястье.

— Эй, — Дун удивлённо моргнул, — что такого? Просто потрогаю и всё.

— Не стоит, — Ли Чуань взглянул на него холодно, глаза чуть прищурились. — Это не просто украшение. Такие статуи охраняют поток удачи. Потревожишь — накличешь на себя убытки.

Цзянь Нань подошёл ближе, поддержав его слова:

— Я тоже слышал, что у входа в торговые центры или казино ставят львов или пихсиу, чтобы держали энергию. Если тронешь без разрешения — можно навлечь беду.

Дун округлил глаза:

— Серьёзно? И правда бывает такое?

Ли Чуань отпустил его руку, кивнув с той самой спокойной уверенностью, что не терпит возражений:

— Лучше поверить, что это правда, чем потом жалеть, если окажется, что не зря предупреждали.

Эти слова вызвали новый всплеск обсуждений в комментариях:

«Вот это да! Настоящая эзотерика в прямом эфире!»

«Какие у них познания! Скрытые таланты!»

«Ха-ха, теперь ясно: хороший шеф-повар должен разбираться и в фэншуй!»

<http://bllate.org/book/12642/1121276>